

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НА XXII КОНГРЕССЕ МКИН КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОБЫТИЕ И ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ»*

В конце августа 2015 года в г. Цзинань (Китай) состоялся крупнейший научный форум историков – XXII Международный конгресс исторических наук под эгидой Международного комитета исторических наук (МКИН/CISH). В его обширной научной программе нашли отражение многие актуальные проблемы современной историографии, обсуждались новейшие тенденции в теории и методологии, новые подходы, направления исследований, предметные области. Об итогах прошедшего Конгресса, открывшейся панораме достижений и трудностей мировой историографии, о дальнейших перспективах развития исторических исследований, несомненно, предстоит серьезный разговор и еще появятся десятки публикаций. Как первый шаг мы представляем материалы круглого стола (RT 19. Event and Time in Historical Perspectives), посвященного тематике, которая все последние годы оставалась центральной для журнала «Диалог со временем» и стала ядром научной программы недавно созданной на базе Института всеобщей истории РАН Сетевой лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры». Ниже представлены материалы организованного в рамках Конгресса круглого стола «Событие и время в исторических перспективах» (при поддержке Национального комитета российских историков и Комиссии МКИН по истории международных отношений) проф. Л.П. Репиной и проф. У. Тертре (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne). В основе публикуемых материалов – сокращенный текст основного доклада, подготовленного Л.П. Репиной (полная версия размещена на сайте Конгресса), тексты комментаторов – проф. З.А. Чеканцевой (Институт всеобщей истории РАН) и проф. О.Б. Леонтьевой (Самарский государственный университет), а также резюме выступлений У. Тертре и проф. П. Буале (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne).

Ключевые слова: XXII Международный конгресс исторических наук, теория, культурная память, историческая память, событие, время, Россия, Европа, Африка.

В обширной научной программе XXII Международного конгресса исторических наук (г. Цзинань, КНР) нашли отражение многие актуальные проблемы современной историографии, обсуждались новейшие тенденции в теории и методологии, новые подходы, исследовательские направления, предметные области. Об итогах прошедшего Конгресса, открывшейся панораме достижений и трудностей мировой историографии, о дальнейших перспективах развития исторических исследований, несомненно, предстоит серьезный разговор и еще появятся десятки

* Материалы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00357а). В основе текстов – доклады, представленные на английском и французском языках на XXII Международном конгрессе исторических наук 27 августа 2015 г.

публикаций. Делая в этом направлении первый шаг, мы публикуем материалы круглого стола, посвященного тематике, которая все последние годы оставалась центральной для нашего журнала¹

В центре внимания участников круглого стола оказались наиболее важные вопросы, связанные с понятиями «событие» и «время» в их исторических репрезентациях и культурных смыслах, а также с их эпистемологическим статусом в качестве категорий исторического знания, с их использованием в современной исторической науке, пережившей «возвращение», или «возрождение события». Речь идет, в частности, о новом подходе к изучению «события» («исторического события») в фокусе пересечения различных темпоральных структур и действий индивидуальных и коллективных акторов, в соотношении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями эпохи. Важное место в обсуждении заняли проблемы «истории памяти», кризисов исторического сознания, смены «режимов историчности».

Л.П. Репина

Событие и время в культурно-исторической перспективе

События происходят во времени, и в каждом событии существует время и как длительность, и как точка отсчета. Одно из возможных направлений анализа – проследить семантическую эволюцию этих тесно связанных между собой понятий в разные эпохи, или же рассмотреть вопрос о хронологических рамках, о социальном контексте того или иного события и его субъективном восприятии активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений, о событии как элементе коллективной памяти, имеющей собственные темпоральные характеристики. Или, например, вопрос о соотношении понятий события и факта, или же об атрибутах понятия «историческое событие», включая его темпоральные характеристики. Не менее интересна и значима проблема поиска и концептуализации связей между событиями, а также построения исторического нарратива как направленного ряда событий. Неизбежно встают вопросы о том, как событие из непредвиденного превращается в неминуемое, из банального в историческое.

В этой связи особое значение приобретают важнейшие темпоральные характеристики исторического сознания, которые выявляют способ структурной дифференциации времени («связь времен») и дают основания для типологий форм исторического сознания, разрабатываемых в современной историографии. К тому же, выявляется роль темпоральных

¹ Она также включена в научную программу Сетевой лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры», созданной на базе ИВИ РАН.

характеристик исторического сознания для статуса истории как особой критической формы памяти о прошлом и для культурной компаративистики. Остается насущной задача совершенствования методик реконструкции темпоральных картин мира и исторических представлений.

В соответствии с этим была сформулирована задача, поставленная перед участниками «круглого стола»: обсудить текущие тенденции и возможные перспективы компаративного анализа представлений о времени и репрезентаций событий прошлого (с учетом условий их формирования и развития в разных социальных и культурных контекстах), а также глубже понять роль События и его темпоральных характеристик в представлениях исторических акторов. В тексте приглашения к участию в круглом столе была предложена масштабная хронологическая перспектива – от Античности до современности и особое внимание к некоторым аспектам изучаемого предмета, таким как: динамика исторического сознания; образы значимого прошлого; что понимается как «великое», или «историческое событие»; типы темпоральных представлений в связи с практикой историописания; как представители разных культур и эпох осмыслили связь между тремя модусами времени (прошлым, настоящим и будущим); как темпоральная структура события и его размещение во времени и пространстве интерпретировались самими акторами, потомками и историками. Можно предложить и другие позиции для возможного исследовательского вопросника, например, такие как: концепты времени, восприятие времени, «режимы историчности»², множественные темпоральности и т.д., и соответственно – концепты события, событие в историографической традиции, «короткое время» события, соотношение «событие – структура», событие как воспоминание и т.п. Разумеется, в рамках одной сессии обсудить все эти темы было невозможно. Поэтому в основном докладе внимание было сосредоточено на трех важных аспектах: 1) история представлений о времени; 2) конструкты прошлого, настоящего и будущего в обыденном историческом сознании и в историописании; 3) образ события прошлого как исторический символ, или «место памяти». Солидная база для освещения этих тем была подготовлена реализацией ряда научно-исследовательских проектов Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.

Интерес к прошлому составляет важную часть коллективного сознания, изменение отношения к нему происходит в результате крупных событий и трансформаций в общественной жизни, накопления и интерпретации нового опыта. Эти проблемы привлекают внимание специали-

² См.: Hartog 2003.

стов из разных областей социально-гуманитарного знания, а их теоретические и эмпирические исследования уже составили ценный общий фонд, хотя концепты «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого» все еще вызывают научную полемику.

Категории *исторического сознания* и *исторической культуры* были разработаны еще в конце 1960-х гг. выдающимися отечественными учеными Ю.А. Левадой и М.А. Баргом. В определении Ю. Левады, концепт «историческое сознание» включает все формы, в которых общество «воспроизводит свое движение во времени». Он анализировал историческое сознание как один из элементов социальной «памяти» и различал «короткую» социальную память, включающую события непосредственно предшествующие события, и «опосредованную», долговременную социальную память³. М. Барг подчеркивал, что конфигурация исторического сознания, сохраняющего и продуцирующего «связь времен», является культурно и исторически детерминированной и, в свою очередь, определяет способ отбора и фиксации исторических событий, а в конечном счете – социальный статус исторического знания.

Проблематика исторического сознания и исторической памяти предполагает также рассмотрение концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох: представления о членении, измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего («связи времен» или разрыва между ними), а также образы общезначимого прошлого – эпох, событий, героев и пр.

Восприятие времени обнаруживает целый спектр возможных подходов, в рамках которых одновременно, рядом, но в разных формах присутствуют «циклические» и «линейные» темпоральные представления, которые были комплексными и вариативными уже в архаических картинах мира. И в любую эпоху люди стремились зафиксировать (устно или письменно) произошедшие события. Идея истории зародилась в разных цивилизациях – от Месопотамии до долин рек Хуан-Хе и Янцзы⁴. И задача историописателя состояла, главным образом в том, чтобы выстроить события правильно организованный нарратив с конвенциональной структурой. Только в эпоху Возрождения история стала интерпретироваться в терминах разрыва: сплошной поток времени превратился в череду отдельных эпох. При этом прошлое и будущее «встречаются» в настоящем как его компоненты. Процесс отбора и систематизации прошлых событий происходит в настоящем с точки зре-

³ Левада 1969. Р. 191-193; Барг 1969.

⁴ Подробно об этом см.: *Образы времени и исторические представления...* 2010.

ния изменившихся обстоятельств и текущих задач, но также с позиций желаемого будущего⁵. В философской истории эпохи Просвещения «наставление примерами» требовало объяснения событий при относительном безразличии к их хронологии. Возникновение исторического сознания в строгом смысле этого слова выразилось в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее рассматривались как различные модусы времени, соединенные движением общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому экстраполированием существующих тенденций. Большинство европейских историографий второй половины XVIII и XIX вв. превратились в нарративы национальных историй, историй государств. Историки творили «великие нарративы национальной истории» вокруг «фактов», подтверждающих древность нации, территориальных завоеваний и государственной централизации, события, противоречащие такой логике развития, вовсе исключались из этой триумфальной истории нарратива или подвергались дискриминации как «ошибки». На рубеже XIX–XX вв. начало изменяться восприятие течения времени: оно больше не «шло», а, скорее, «бежало» или «летело»: культура, ориентированная на будущее, стремилась быстрее его достичь, подстегивая время.

В конце XX столетия ритм человеческой цивилизации приобрел новое ускорение, что привело к появлению так называемого «сверхбыстрого времени» начала нынешнего века, периода драматически быстрых потоков информации, экстремальных и катастрофических событий, выплескиваемых на массового зрителя и пользователя с экранов телевизоров и компьютеров. Восприятие событий в их последовательности утрачивается, историческое сознание в «строгом», модерном значении этого слова разрушается. К традиционным базовым концептам прибавились понятия «мест памяти» и «исторических символов», что равным образом важно, как для понимания трансформации профессионального исторического знания, так и для объяснения его отношения к массовому сознанию, к обыденным представлениям о ключевых событиях прошлого, определивших ход национальной или региональной истории.

Таким образом, оставаясь в рамках проблемы исторического времени, можно рассмотреть ее в несколько ином ракурсе, с точки зрения корреляции трех модусов времени, их места в неразрывной «цепи времен» или, напротив, в ситуации ее распада, постановки задач глубокого погружения в прошлое или понимания настоящего как конечного итога событий прошлого, или даже предсказания будущего – в попытках актуализи-

⁵ См.: Барг 1984. С. 83.

ровать историческое знание. Для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. что проявляется, в частности, в том, что историки практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется. Между тем тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории культурных представлений и контексте «мемориальных исследований».

Коммуникативный подход в мемориальных исследованиях делает акцент на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать события прошлого в своих интересах. Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различном образом упорядоченные нарративы. Одно и то же событие при этом может приобретать разные значения, в зависимости от того, в какую сюжетную и темпоральную структуру оно оказалось включено. В этом процессе структурирования можно выделить определённую логическую последовательность. В зависимости от ситуации сегодняшнего дня, выбирается темпоральная перспектива. Социальная общность может смотреть в более или менее удалённое прошлое, находя в истории тех или иных предков, выделяет принципиально важные для идентификации группы разновременные исторические события или периоды.

В исторической науке «событие» – это интеллектуальный, теоретический конструкт, созданный в результате анализа конкретного исторического материала («традиции», «остатков», «следов», «улик», «свидетельств»), т.е. эмпирически обоснованный и выработанный по принятым научным сообществом нормам и правилам. Интерпретация события опирается на соотнесение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Возведение происшествия в ранг исторического события отнюдь не всегда определяется его значением в глазах современников. Это часто происходит тогда, когда значимые последствия данного события становятся очевидными в более широком контексте и длительной перспективе. Процедуры контекстуализации события и организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступая как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий.

Так, перераспределение политической власти в стране не может быть объяснено предшествовавшей цепью событий национального масштаба, хотя именно этот тип объяснения обычно применяется в политической истории. В традиционной политической истории все исторические события объяснялись указанием на интенции действующих лиц и на события, непосредственно предшествовавшие тем, которые подлежат объяснению. В новой версии событийной истории каждое крупное историческое событие должно рассматриваться не как эпизод, а как процесс, как цепь последовательно сменяющих друг друга исторических ситуаций/конstellаций, каждая из которых может быть, в свою очередь, развернута в реальном времени и в пространстве и представлена множеством менее крупных, мелких и совсем, казалось бы, незначительных событий, происходивших на самых разных уровнях: в жизни индивидов, общностей, или в рамках государственных институтов. Дополнительные проблемы возникают при интерпретации сложносоставных социально-политических событий, таких как войны, революции и другие крупномасштабные конфликты, состоящие из действий множества индивидов и групп на разных социальных уровнях и территориях.

Отбор и организация событий современным историком отражает как проблемно-тематическую направленность его исследования, так, разумеется, и его ценностно-этические предпочтения. Эта категория исторического анализа обрела новый статус в исследованиях по истории исторической памяти именно в форме культурного конструкта, «образа события» в сознании (в интерпретации) переживших его участников и современников (видевших, как данное событие разворачивалось в его собственном времени), непосредственных и отдаленных потомков (включая историков, способных охватить событие как целостность), чье отношение к своему настоящему в значительной степени предопределено сформировавшимся отношением к прошлому, его оценкой, образами исторических героев и событий. Значение события проявляется в том, что оно стало основой, на которой коллективная память и воображение создали целый комплекс рассказов, легенд и символов. Соотнесение между собой события и его значения обычно происходит путем «привязки» этого события к сплетению многих последовательных и одномоментных событий с помощью определенных нарративных конструкций, или «режимов» памяти. Особо значимые события и герои прошлого образуют в исторической памяти систему взаимосвязанных культурно-исторических символов, которая отражает доминирующие в социуме ценности и играет важную роль в их воспроизводстве.

Проф. Тертре (Hugues Tertrais) в своем докладе «Событие и время в истории» подчеркнул, что великие и малые события структурируют историческое время, создавая своей хронологией доминирующий нарратив, а время, в свою очередь, структурируется событиями. Отметив переосмысление события и «событийной истории» в историографии XX века, он обратил внимание на то, что «возвращение к событию» заставляет пересмотреть понятие причинности, так как события можно объяснить, но нельзя предвидеть и предсказать.

Стремление предвидеть события присуще, в частности экономике, в которой специалисты и политики более всего преуспевают, опираясь на математику, но и в этой сфере события нередко удивляют: например, эксперты ожидали некий экономический кризис в 1929 г., но совсем не тот, который имел место, во всяком случае, они ожидали не столь глубокий кризис. Непредсказуемость крупных событий, таких, которые порождают новую ситуацию, предстает даже как некий урок истории. Не имея возможности предсказать, историк пытается понять. Но в попытке объяснить непредсказуемость события, приходится выбирать между «событием-монстром» и «мировым событием» (что во многом зависит от темпорального масштаба – несколько часов или недель), между Бувинским воскресеньем и летом 1914 года. “Великое” событие происходит на самом деле часто там, где его не ждут, и это касается и его содержания, и его форм, и его интенсивности.

Как возникают непредсказуемые события? Проф. Тертре предложил такое статистическое размышление. Когда событие “X” не имеет почти никаких шансов произойти, его вероятность кажется бесконечно малой. На языке статистики скажут так: предположение, что событие не произойдет, верно, например, на 99,9%, но это не означает, что оно не произойдет вообще. Если событие “Y” имеет место в той же ситуации, что и событие “Z”, вероятность того, что они происходят одновременно, не слишком велика, но она сохраняется. Все происходит, по сути, в логике несчастного случая, который по своей природе непредсказуем – иначе его можно было бы избежать. В силу очевидной непредсказуемости события (его нельзя найти «до» того, что произошло), его отношение с историческим временем переносится в «после». Можно ставить вопрос о причинах события, но причинах чего? Во Франции и Германии до сих пор дискутируют о том, кто первым выстрелил в 1914 г.⁶ Интересуются также вопросом о том, предвидели ли это событие: во Франции ожидание войны носило почти фатальный характер. Но какой войны?

⁶ Krumeich 2014.

Возможно войны подобной войне 1870 г., т.е. войны продолжительностью в несколько месяцев, как реванша за поражение. Такой войны, что случилась, тотальной, индустриальной, длительной никто не ожидал.

Был также поставлен вопрос, в какой динамике великие события приобретают статус историчности и становятся маркерами мировой истории? Самые древние из них в свое время остались незамеченными за пределами пространства, где они имели место, а из сравнительно недавних событий наиболее важные погружены в «реальное время» социального пространства (Великая война и русская революция). Признание структурированных событий – с помощью медиа или без них, недавних или отдаленных, означало бы признание того, чем они стали, учитывая то, что делали социальные акторы и те, кто был с ними рядом. Короче это реконструкция, которая занимает свое место во времени, определяющем в настоящий момент место истории.

Будучи наследством прошедших веков европейской истории, историческое время на самом деле осмысливается и переживается как время линейное, по модели христианского времени. И такое время имеет смысл: будущее, задающее перспективу настоящему, само структурировано наследием прошлого. Начиная с Просвещения XVIII в. этот смысл смешивается со словом прогресс. Если Великая война, несмотря на трагический итог, не положила конец вере в прогрессивно ориентированное время, то возможно это произошло лишь благодаря русской революции и всем тем надеждам, которые она породила? В наши дни (конец XX – начало XXI в.), настоящее время скорее скомпоновано в Европе из событий, которые свидетельствуют о «кризисе будущего» (Кшиштоф Помьян). Уверенность в движении к лучшему завтра тает: с одной стороны, трагический характер ряда революций третьего мира («красные кхмеры» в Камбодже) и провал коммунистической перспективы, с другой стороны, явно подрывают ожидаемое будущее, эти «завтра». Для Франсуа Артога речь идет о кризисе «режима историчности», т.е. кризисе системы артикуляции трех главных модальностей времени – прошлого, настоящего и будущего⁷.

В отсутствие веры в будущее, коммеморации великих событий прошлого приобретают небывалое значение: коммеморации Великой войны в 2014 г., являются символом отношений события и исторического времени. Они породили в Европе, особенно во Франции, серию мероприятий, в ходе которых прошлое активно вводилось в игру посредством коллективных воспоминаний. В результате предпринятых

⁷ Frank 2010; Hartog 2003.

усилий, было проведено множество мероприятий всех видов и масштабов, как на национальном, так и на местном уровне, воплощая в жизнь простое определение коммеморации: коммеморация события означает, прежде всего, сохранение коллективной памяти о нем. Коммеморация вписывается в цели национальной политики во всех европейских странах и даже за пределами Европы. Сложность материала, который стремится упорядочить история, находящаяся между непредсказуемостью события и режимами историчности, такова, что ее запись (*écriture*) почти всегда приводит к доминированию национального повествования. Возможное будущее не будет одинаковым для всех.

Проф. П. Буале (Pierre Boilley, Университет Париж I, Институт Африки) в своем докладе «События и время: Африка в мировой истории» подчеркнул, что видение исторических событий прошлого является в высшей степени цивилизационным, и имеет особое воплощение в каждом обществе и в каждой культуре. При этом восприятие и сохранение прошлого зависит не только от культурного пространства, но также от исторического момента, в котором прошлое осмысливается. В Европе, начиная с поздней Античности, историческая мысль прошла через множество фаз от компиляции устных традиций (хорошими примерами являются «Илиада» и «Одиссея») к «истории-проблеме» через различные формы «историй-хроник», причем такая эволюция имела далеко не линейный характер. Африка (или, скорее, Африки, поскольку этот континент в культурном и гуманитарном плане очень разнороден и разнообразен), издавна воспринимается на Западе как «континент без истории». Вполне возможно, что и в 2015 г. большинство европейцев с этим согласно (выступления Николя Саркози в 2007 г., и другие популярные или не очень популярные высказывания это подтверждают...).

Очевидно, что Африки имеют исторические траектории, которые могут быть разными, сохранение этой истории, и значение, придаваемое ему, значительно различается от одной популяции к другой, от одного пространства культуры к другому. Даже в едином национальном пространстве, например, Мали, режимы историчности у разных народностей, даже близких соседей, отличаются. Искусственно раздутое прошлое империи Мали – это, по сути, доминирующая история для всей страны, волюнтаристский национальный роман. Между тем, в северной части Мали, где сосуществуют попеременно и часто конфликтуют культурно различные группы населения, контрасты слишком сильны. Мавры, арабы-берберы, сохранившие в своем наследии арабскую письменность, являются сообществом письменной культуры. Существует, например, зна-

менитый арабский текст «Хроника Судана», написанный Абдурахманом Саади в 1650 г. и рассказывающий о великих империях Западной Африки, а также другие тексты XVII века – летопись городов, армий и героев.

Туареги, впрочем, относятся к прошлому особым образом. До недавнего времени, они не нумеровали годы, а присваивали им особое значение: чтобы сохранить хоть немного в хрониках требовалось запоминать и упорядочивать гигантские списки названий прошедших лет. Поскольку устная передача этих названий часто была затруднена, а с середины XX в. практически прекратилась, было очень трудно восстановить местную историю. В обществе туарегов нет специалистов, которые занимались бы изучением династий и прошедших событий. Все в нем происходит так, как если бы история и ее сохранение не имели практического значения. Туареги прекрасно осознают свое доминирующее положение на протяжении веков в обширном пространстве центральной Сахары, а также и то, что они часто воевали с соседями, но память об этих исторических эпизодах была утрачена. Тем не менее, имеются устные традиции, посвященные главным образом историям заселения, которые в основном предлагают мифы происхождения, малоплодотворные с точки зрения исторической достоверности. Туареги прекрасно осознают свое доминирующее положение на протяжении веков в обширном пространстве центральной Сахары, а также и то, что они часто воевали с соседями, но память об этих исторических эпизодах была утрачена. Меньшинства в Мали, такие, например, как мавры, знают о национальной истории в исполнении гриотов Бамбара, но воспринимают ее как чуждую своей культуре.

На практике получается, что все они объединены под эгидой другой, европейской истории, принесенной к ним в процессе колонизации... Следует признать, что европейская экспансия в мир, как в современную эпоху, так и во время колонизации, сопровождалась империализмом «западного события» и западного отношения к прошлому. Это положение остается доминирующим до сих пор, события, связанные с покорением мира, были навязаны всем, потому что они стали фактами мировой истории, истории господства Запада. Стереотип сохраняется, и историки продолжают делить время на четыре периода, которые соотносятся с крупными событиями... Европы. В этой связи необходимо как можно скорее показать относительность этих событий и в интеллектуальном, и в институциональном смысле, как событий, относящихся к локальной культуре, а затем интегрировать их без иерархий, чтобы лучше понять, что представляет из себя глобальная история.

З.А. Чеканцева

Постижение события: интеллектуальные маршруты XX–XXI вв.

Рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир, все это давно исследуют историки. Символические события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Однако до сих пор событие остается подлинным вызовом для многих историков, прочно усвоивших редуccionистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению. На протяжении XX – начала XXI в. понимание *события* усложнялось не только в истории, но и в философии, социологии, антропологии, лингвистике. Приведу мнение авторитетных специалистов по теории исторического знания: «событийная история в “чистом” виде, подразумевающим последовательное шествие событий в единой хронологической и каузальной связи, является весьма условной. Она может рассматриваться либо как простейшая форма исторического дискурса, либо, с современной точки зрения, как одна из крайних степеней абстракции исторического анализа»⁸.

Вездесущность, разнородность, загадочность, непредсказуемость обеспечили событию статус эпистемологической апории. Не случайно, история, оформляясь в научную дисциплину, конституировала свою научность против события. Уже в XVIII–XIX вв. критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного считалось невозможным. Однако событие всегда «возвращалось». Сегодня говорят о «ренессансе события». Но вопросы о том, что такое историческое событие и как его следует изучать, остаются открытыми. Метаморфозы события неразрывно связаны с трансформациями представлений об истории и ремесле историка.

Родоначальник «сложного мышления» Эдгар Морен, осмысливая опыт 1968 года, сравнивал событие со сфинксом⁹. Франсуа Досс уподобляет событие фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла¹⁰. Воплощение этих образов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и не прекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы.

⁸ Савельева, Полетаев 2007. С. 144.

⁹ Morin 1972.

¹⁰ Dosse 2010.

В традиции методической школы событие было идентично историческому факту, который в строгой системе исторической науки являлся таким же базовым элементом, как клетка в биологии или атом в физике. Подчиняясь принятым тогда критериям научности, французские историки смешивали социальную память с памятью национальной и государственной. Любой феномен, не проявлявшийся в социальной сфере, просто не замечали, поскольку он не считался фактом историческим. Однако уже в начале прошлого века Франсуа Симиан, Анри Берр, Люсьен Февр жестко раскритиковали главные установки «историзирующей» историографии. Аргументы критиков хорошо известны: исторический факт – это не атом реальности, но конструкт, создаваемый ученым; правила этого конструирования надо осваивать; единичное, уникальное не содержит важной информации о реальности; только повторяющиеся факты, помещенные в серию, могут стать настоящим объектом исторического анализа и проч. В период триумфа структурализма, событие вкупе с субъектом подмяла под себя структура. Но уже в начале 1970-х гг. историки и философы заговорили о «возвращении» события (Альфонс Дюпрон, Мишель Фуко, Мишель де Серто, Пьер Нора, Поль Рикёр и др.).

Изучение события приобретает междисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикер, А. Бадью и др.). Онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил М. Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispersion*), множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»¹¹. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории. Жиль Делез полагал, что событие – это, прежде всего смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе событийности, Делез пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹².

¹¹ Foucault 2011. P. 187.

¹² Делёз 1998.

Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: 1. Несигнификативное событие; 2. Упорядоченность и торжество смысла, достигающие до бессобытийности; 3. Появление сверхсигникативных, сверхзначимых событий¹³. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на положение вещей. Он вполне соответствует ориентации методической школы и установке Ланглуа и Сеньобоса на критику источников, отражающих реальность. При втором подходе уникальность события растворяется в соответствующей ему закономерности, вплоть до полного отрицания события. Иными словами, речь идет о подведении уникального события под некий исторический закон. В таком подходе нередко проявляет себя ориентация движения «Анналов». Третий уровень имеет интерпретационный характер, при котором событие исследуется не только как некая реальность, но как часть текста – конструкции исследователя, конституирующей ценностно окрашенную нарративную идентичность: позитивную (взятие Бастилии, например) или негативную (Освенцим)¹⁴.

Размышляя о демократии в эпоху модерна, П. Нора обратил внимание на появление новой событийности и выявил специфический тип события – «событие-монстр»¹⁵. Такое событие – детище средств массовой информации, которые, поставив производство событий на поток, постепенно лишили их традиционно понимаемой историчности. Событие, включенное в информационный ряд, индивидуализировалось, одновременно сближаясь с определенной совокупностью фактов. Такое сближение делало его доступным для массового потребителя информации, но при этом событие утрачивало свое рациональное содержание. На первом плане оказывалась эмоциональная составляющая произошедшего.

Метаморфозы события в информационную эпоху изменили историческое сознание населения. Интерпретация «горячих» событий стала частью повседневности, органично вливаясь в сами события. Эта коллективная работа по превращению недавно минувшего в историческое создавала почву для становления «истории недавней современности» или «непосредственной истории» (*histoire immediate*). Легитимация такой истории заняла несколько десятилетий и внесла значительную лепту в историографическую революцию, поскольку заставила историков переосмыслить основы своей дисциплины, ее возможности и важнейшие эпистемологические процедуры.

¹³ Ricoeur 1991. P. 51-52. *Significare* – *лат.* значить, иметь смысл.

¹⁴ Dosse 2010. Т. 2. P. 748-749.

¹⁵ Nora 1974. P. 210-228. (Это обновленная версия статьи, появившейся в журнале *Communications*, 1972, № 18 под названием «Событие-монстр»).

Заметно изменило восприятие события также новое понимание роли языка историка, исторического письма и нарратива. Теоретическое осмысление нарратива во Франции инициировали П. Вен, М. де Серто и П. Рикёр. Рикёр, изучив исследовательские практики историков, показал, что даже у Ф. Броделя в историческом нарративе всегда присутствует переменная интрига («une variable de l'intrigue») на всех уровнях анализа исторических длительностей. При этом «событие играет в повествовании двойную роль: того, что случается, и того, что регистрирует изменения в порядке времени» (Ж. Ревель). Изучение исторических текстов и событий на пересечении истории и лингвистики в русле дискурсивного анализа постепенно меняют отношение к слову и действию исторического актора, к дискурсу историка и к событию¹⁶. Придуманное Серто в 1970 г. словосочетание *faire de l'histoire* стало не только названием известной трилогии¹⁷, но и эмблемой «новых историков». В этом названии, помимо признания значительной роли исследователя в производстве исторического знания, воплощено понимание перформативности письменной фазы историографической операции.

То, что историографическая операция была помещена между языком прошедшего и языком исследователя, по мысли Ф. Досса, стало «своеобразным уроком совершеннолетия для историков», который способствовал радикальному изменению традиционной концепции события. Когда де Серто писал по горячим следам по поводу мая 1968 года, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)», он тем самым приглашал обращать внимание на «следы» события, оставленные с момента его возникновения, выясняя каким образом они конституировали его смысл¹⁸. Это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых к тому времени уже было проблематизировано. После Шарля Пеги по этому пути пошел Альфонс Дюпрон в диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет. «Событие достойное этого наименования, – писал он, – это событие всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь (уже не такое как было, но в чем-то то же самое)¹⁹. Чаше инициатором такого подхода к событию в историографии называют Ж. Дюби, который в книге о Бувин-

¹⁶ Guilhaumou 2000; 2006.

¹⁷ Faire de l'histoire. Т. 1-3. 1974.

¹⁸ Dosse 2003.

¹⁹ Dupront 1997. Т. III. P. 1662.

ском сражении 27 июля 1214 г.²⁰ показал, что произошедшее в это воскресенье стало значительным событием лишь благодаря тем волнам памяти, в которые оно оказалось вовлечено. Метаморфозы этой памяти в книге Дюби – такой же объект изучения, что и однодневное сражение, о котором сообщают источники. Эти конкретно-исторические исследования справедливо считают предвестниками известного проекта П. Нора о «местах памяти», который, по общему мнению, стал одним из самых интересных ответов историков на мемориальный бум.

Новый виток интереса к событию в историографии, порожденный изменением режима историчности и потребностью понять современный мир, заставил историков «переоткрыть» историческое время²¹, что позволило прояснить соотношение события со структурой и системой. В изучении события все больше места стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбежной загадочности событийности. Наконец, событие позволяет показать сложное переплетение времен и миров действия²².

Из повседневного опыта известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Участник события или наблюдатель попадает в ситуацию неопределенности. Историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности составляющих его фактических данных. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто принимал в нем участие или был его современником. Все это вместе погружено в историко-культурный контекст, имеющий собственное прошлое, свою генеалогию, свою форму настоящего и определенное видение будущего. Носителями событийной темпоральности являются люди, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки знают, как сложно согласовать различные свидетельства об одном и том же событии. Получается, что событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте очень слож-

²⁰ DUBY 1973.

²¹ См. подробнее: Чеканцева 2011. С. 55-74.

²² Ревель 2003.

ной системы темпоральностей²³. Но и такое понимание будет лишь интерпретацией, более или менее убедительной, но всегда незавершенной.

Линейное время классической историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические/пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. Все чаще событие обсуждается и исследуется как нарративная конструкция. Анализ исторического события, его структур и механизмов больше не означает изучение «пены истории». В основе такого изучения – стремление понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

О.Б. Леонтьева. Периоды российской истории в исторической памяти XIX–начала XX в.

Тема представлений о времени и о событии тесно связана с проблематикой исторической памяти. Образы значимого прошлого играют существенную роль в формировании как личной, так и коллективной идентичности. Пути интерпретации прошлого зависят от культурных ценностей, социально-политического контекста данного исторического периода, надежд и страхов современников. Поэтому историческая память подвижна и изменчива по своей природе.

Время в исторической памяти измеряется событиями, которые могут быть представлены как «яркие», «важные» или же «переломные»²⁴. Некоторые из них приобретают статус «мест памяти», важных для самосознания общества; они воспроизводятся в коммеморативных практиках, вдохновляют поэтов и художников на создание произведений искусства, становятся предметом изучения в школьных учебниках. Однако исторический нарратив обычно организован не просто как цепь памятных событий, но и как история перехода общества из одного состояния в другое, от одного исторического периода к следующему. Как правило, каждый значимый период при этом обрамляется так называемыми «великими», «переломными» историческими событиями, которые маркируют конец одного периода и начало следующего²⁵. Каждый такой период обладает в общественном сознании своим неповторимым обликом: одни исторические этапы воспринимаются как «золотой век»,

²³ Farge 2002. P. 69-78.

²⁴ Нуркова 2006. С. 207-222.

²⁵ Нора 1999. С. 46.

другие – как «темные века» или «смутные времена», третьи, наконец – как периоды «возрождения» или «пробуждения».

Проблемы восприятия прошлого становятся особенно острыми на переходных исторических этапах, во времена радикальных социокультурных преобразований. Дебаты о прошлом отражают конфликты ценностей современного общества; противоборствующие проекты коллективной идентичности (представления о том, вокруг каких ценностей должна строиться идентичность общества) порождают соперничающие версии исторических нарративов. Вследствие этого значение любого исторического события может быть кардинально переосмыслено на протяжении жизни одного поколения; различные и даже противоположные образы прошлого, как и альтернативные исторические нарративы, могут уживаться друг с другом в рамках одной и той же культуры.

XIX – начало XX в. – время больших перемен в жизни российского общества; его быстрое движение по пути модернизации – отмена крепостного права, комплексные социальные реформы, начало индустриализации – сопровождалось интенсивным развитием общественной мысли: российское общество нуждалось в новых идеалах и новых формах коллективной идентичности. Развитие гуманитарных наук, прежде всего истории, а также расцвет реалистического искусства обеспечили условия для дискуссий о прошлом, настоящем и будущем России.

Русскую мысль того периода – арена противоборства нескольких проектов коллективной идентичности; эти проекты строились либо на традиционной лояльности по отношению к правящей династии, либо на идее внеклассового (всесословного) единства народа-нации, либо на идее служения интересам трудового народа. Разные видения социальной идентичности были отражены в соответствующих типах исторического нарратива: российская история могла быть представлена как история правящей династии (историки-монархисты от Н.М. Карамзина до Д.И. Иловайского), крепнущего государства и пробуждающейся нации (труды историков «государственной школы»), усложняющегося социального организма (В.О. Ключевский и другие историки-позитивисты), или же, наконец, эксплуатируемого, страдающего и бунтующего «простого народа» (труды историков «демократического направления»).

В представлениях многих российских интеллектуалов того времени прошлое распадалось на несколько эпох, каждая из которых обладала своим неповторимым, целостным образом. Периодизации исторического процесса могли базироваться на разных критериях: смене политического строя, изменениях социальной структуры, геополитических приоритетов и даже доминирующего стиля искусства. Тем не менее, российские мыс-

лителю чаще всего выделяли приблизительно схожие стадии отечественной истории. Как сформулировал знаменитый российский философ Н.А. Бердяев, «в истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую, и, наконец, новую советскую Россию»²⁶.

Образ каждой из этих эпох в исторической памяти зачастую был амбивалентным. Его оценка зависела от выбранной тем или иным мыслителем опорной, отправной точки для формирования сценариев коллективной идентичности российского общества. В зависимости от убеждений того или иного историка каждый из указанных периодов мог рассматриваться и как исток национальной государственности и культуры, и как время «повреждения» общественных нравов, отступничества от подлинно национальных начал. Но, так или иначе, оценка перечисленных выше периодов играла ключевую роль в формировании коллективной идентичности российского общества.

Образ Древней (Киевской) Руси – от первых упоминаний о ней в письменных источниках до начала XIII в. – играл в исторической культуре особую роль: образованная элита XIX в. часто воспринимала период Киевской Руси как колыбель национальных традиций и идентичности. Историки-монархисты возводили к временам Киевской Руси происхождение самодержавной государственности²⁷; их коллеги, придерживавшиеся либеральных или демократических убеждений, искали в Древней Руси истоки подлинно народной, вечевой демократии²⁸. Согласно мнению многих мыслителей, поэтов и художников, Киевская Русь представляла собой «богатырский или героический» период отечественной истории, галерею образов былинных героев, которые представлялись воплощением «всей силы и могучей мощи русского народа»²⁹.

«Татарский период» (XIII–XV вв.) часто воспринимался как «темные века» российской истории, как время «иноземного владычества, жестокого и унижительного»³⁰. История этого периода обычно преподносилась как важная смысловая часть классического национального нарратива: история завоевания – жестокого гнета – возрождения народного духа – восстания и свержения ига. Но российские интеллектуалы со времен Н.М. Карамзина обсуждали также тему долговременных последствий ига, его воздействия на российское общество и на национальный

²⁶ Бердяев 1990. С. 7.

²⁷ Карамзин 1989. С. 95-98.

²⁸ Костомаров 1994; Сергеевич 1867.

²⁹ Соловьев 1991. С. 11; Стасов 1962. С. 96.

³⁰ Чаадаев 1991. С. 324.

характер; многие из них подчеркивали, что некоторые негативные черты Московского царства (деспотическая власть, изоляция женщин, телесные наказания и т.д.) стали следствием прямого или косвенного ордынского влияния³¹. Маркируя определенные черты российского общества как наносные, заимствованные, мыслители создавали психологическую иллюзию, что избавиться от этих черт легко: достаточно вернуться к своей подлинной, заведомо не ордынской сущности.

«*Московский период*» (XVI–XVII вв.) привлекал огромное внимание образованной элиты; образы ярких и важных событий того времени – правление Ивана Грозного, Смутное время, церковный раскол, народные восстания – воссоздавались в исторической живописи, повестях, романах, драмах и операх. Во второй половине XIX в. «псевдорусский», или «московский» стиль утвердился в самых разных сферах культуры – от архитектуры до театрального искусства и рекламного дела. Но образ Московской Руси в литературе, живописи и музыке был довольно сложным: допетровская Русь интерпретировалась как кладезь самобытности, сокровищница цельных и ярких характеров, источник «чистого» национального стиля в искусстве, и одновременно – как «отсталое» общество, страдающее от деспотизма, крепостничества и ксенофобии, от недостатка просвещения и гуманизма. Тем не менее, многие историки и мыслители были убеждены, что, несмотря на острые социальные конфликты, «высшие» и «низшие» социальные слои в Московской Руси не были отделены друг от друга непроходимой культурной пропастью³². Именно поэтому XVI–XVII вв. в исторической памяти России часто представляли как своеобразное архетипическое время³³, обращаясь к которому, можно отыскать ответы на вечно актуальные «проклятые» вопросы.

Имперский период (XVIII–XIX вв.) в исторической памяти был отделен от периода Московской Руси поворотным историческим событием – реформами Петра Великого. Петр I воспринимался как «культурный герой», заново создавший российское общество. Но в славянофильском и народническом дискурсах петровские реформы представляли как насилие над народными верованиями и идеалами, как жестокое угнетение собственного народа. Даже одобряя цели Петра, российские историки и писатели часто отказывались оправдывать его методы³⁴. В результате в российской культуре XIX в. Петр I изображался одновременно как «царь-труженик» и как безжалостный тиран; его амбивалентный образ

³¹ Карамзин 1993. С. 203-205; Костомаров 1870. С. 496, 499, 502, 511.

³² Забелин 2000. С. 4; Ключевский 1993. Т. 2. С. 451.

³³ Бурлина 1987. С. 117; Figes 2003. P. 182-183.

³⁴ См.: Бестужев-Рюмин 1872; Шмурло 1889.

отражал ценностные конфликты российского социума. Амбивалентное отношение проецировалось и на весь имперский период российской истории. Согласно славянофилам и народникам, Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому, российское общество того времени было разделено глубокой «пропастью» между «высшими» и «низшими» классами, европеизированной элитой и «простым народом». Этот раскол считался прямым следствием насильственной и стремительной вестернизации, инициированной Петром Великим. Поиск путей преодоления культурного раскола стал одной из центральных тем русской мысли XIX столетия.

«Великие реформы» Александра II (отмена крепостного права и последующие либеральные реформы) были восприняты современниками как начало совершенно нового исторического периода, и даже как «тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность»³⁵. Современники выражали надежду, что Великие реформы помогут преодолеть внутренний разрыв между элитой и простым народом³⁶.

Таким образом, в русской мысли различные исторические эпохи выступали не просто как яркие образы, но как пространственно-временные целостности, хронотопы, принципиально отличающиеся друг от друга. Хронологические границы между эпохами часто воспринимались как внутренние рубежи, когда изменялась направленность исторического процесса; начало каждого следующего исторического периода трактовалось как «перерыв постепенности». Такая стратегия использовалась, в частности, для повествования об ордынском иге или о петровских реформах. Зачастую исторические нарративы имели трехчастную структуру: ностальгический рассказ о «добром старом времени» сменялся повествованием «о повреждении нравов в России» (под влиянием чужеземного ига, самодержавного деспотизма, скороспелой европеизации, крепостнического гнета и т.д.), а затем явно или неявно высказывалось убеждение, что здоровые силы российского общества способны вернуть страну на путь гармонического развития. Так воспоминания о прошлом воздействовали на восприятие настоящего и на ожидания будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dosse F. Événement // *Historiographies. Concepts et débats* / (Dir.) C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. P.: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 2. P. 748-749.
- Dosse F. Michel de Certeau: un historien de l'altérité. 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien : entre sphinx et phénix. P.: PUF. 2010. 348 p.

³⁵ Платонов 1993. С. 720.

³⁶ См., напр.: Достоевский 1978; Ключевский 1990. С. 472-473.

- Duby G. Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. No. 38. P. 69-78.
- Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. L.: Penguin Books, 2003. 729 p.
- Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. P.: Seuil/Gallimard, 2011.
- Frank R. Le futur en question: les changements du régime d'historicité dans les années 1970 // D. Mei & H. Tertrais (dir.). Temps croisés I. P.: Ed. de la MSH; Shanghai: Editions de l'ECNU, 2010.
- Faire de l'histoire / Le Goff J., Nora P. (dir.). T. 1-3. 1974.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Krumeich G. Le feu aux poudres. Qui a déclenché la guerre en 1914 ? P.: Belin, 2014.
- Morin E. L'événement-sphinx // Communications 1972. No. 18. P. 173-193.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.
- Ricoeur P. Événement et Sens // Raisons Pratiques. 1991. No 2.
- Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории» 1982. № 12. С. 49-66.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 161. 1872. № 5. С. 149-156.
- Бурлина Е.Я. Культура и жанр. Методологические проблемы жанрового синтеза. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 165 с.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 18: Статьи и заметки 1845–1861. Л.: Наука, 1978. 372 с.
- Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Языки русской культуры, 2000. 453 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. V. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 311 с.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 584 с.
- Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 12.
- Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли»; Смоленск: «Смядынь», 1994. 544 с.
- Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969.

- Нора П. Между памятью и историей: Проблематика «мест памяти» // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
- Нуркова В.А. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. 960 с.
- Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. 2007.
- Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1867. 424 с.
- Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13-14. М.: Мысль, 1991. 704 с.
- Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1962. 355 с.
- Чаадаев П.Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. 798 с.
- Чеканцева З.А. «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под. ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 7. 140 с.

REFERENCES

- Dosse F. Événement // Historiographies. Concepts et débats / (Dir.) C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. P.: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. Т. 2. P. 748-749.
- Dosse F. Michel de Certeau: un historien de l'altérité. 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien : entre sphinx et phénix. P.: PUF. 2010. 348 p.
- Duby G. Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. No. 38. P. 69-78.
- Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. L.: Penguin Books, 2003. 729 p.
- Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. P.: Seuil/Gallimard, 2011.
- Frank R. Le futur en question: les changements du régime d'historicité dans les années 1970 // D. Mei & H. Tertrais (dir.). Temps croisés I. P.: Ed. de la MSH; Shanghai: Editions de l'ECNU, 2010.
- Faire de l'histoire / Le Goff J., Nora P. (dir.). Т. 1-3. 1974.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Krumeich G. Le feu aux poudres. Qui a déclenché la guerre en 1914 ? P.: Belin, 2014.
- Morin E. L'événement-sphinx // Communications 1972. No. 18. P. 173-193.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.

- Ricoeur P. Événement et Sens // *Raisons Pratiques*. 1991. No 2.
- Barg M.A. Istoricheskoe soznanie kak problema istoriografii // *Voprosy istorii* 1982. № 12. С. 49-66.
- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984.
- Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s.
- Bestuzhev-Ryumin K.N. Prichiny razlichnykh vzglyadov na Petra Velikogo v russkoi nauke i russkom obshchestve // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. T. 161. 1872. № 5. S. 149-156.
- Burlina E.Ya. Kul'tura i zhanr. Metodologicheskie problemy zhanrovogo sinteza. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 165 s.
- Delez Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.
- Dostoevskii F.M. Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 18: Stat'i i zametki 1845–1861. L.: Nauka, 1978. 372 s.
- Zabelin I.E. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. T. 1. Ch. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh. M.: Yazyki russkoi kul'tu-ry, 2000. 453 s.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t. T. I. M.: Nauka, 1989. 640 s.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t. T. V. M.: Nauka, 1993. 560 s.
- Klyuchevskii V.O. Evgenii Onegin i ego predki // *Klyuchevskii V.O. Istoricheskie portrety*. M.: Pravda, 1990. 311 s.
- Klyuchevskii V.O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh. T. 2. M.: Mysl', 1993. 584 s.
- Kostomarov N.I. Nachalo edinoderzhaviya v Drevnei Rusi // *Vestnik Evropy*. 1870. № 12.
- Kostomarov N.I. Russkaya respublika (Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo ukлада. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki). Istoricheskie monografii i issledovaniya. M.: «Charli»; Smolensk: «Smyadyn'», 1994. 544 s.
- Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyi metod // *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki / Otv. red. A.V. Gulyga, Yu.A. Levada*. M.: Nauka, 1969.
- Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei: Problematika «mest pamyati» // *Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok*. SPb.: Izd. S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.
- Nurkova V.A. Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz. M.: RGGU, 2006. 287 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoi. M.: «Krug'», 2010. 960 s.
- Platonov S.F. Lektsii po russkoi istorii. M.: Vysshaya shkola, 1993. 736 s.
- Revel' Zh. Vozvrashchenie k sobytiyu: Puti istoriipisaniya // *Homo Historicus: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. Kn. 1*. M., 2003. S. 238-254.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Teoriya istoricheskogo znaniya. SPb.: Aleteiya. 2007.
- Sergeevich V.I. Veche i knyaz'. Russkoe gosudarstvennoe ustroistvo i upravlenie vo vremena knyazei Ryurikovichei. M.: Tipografiya A. I. Mamontova, 1867. 424 s.
- Solov'ev S.M. Soch. v 18 kn. Kn.VII: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 13-14. M.: Mysl', 1991. 704 s.
- Stasov V.V. Pis'ma k deyatel'nyam russkoi kul'tury. V 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1962. 355 s.
- Chaadaev P.Ya. Poln. sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. T. 1. M.: Nauka, 1991. 798 s.
- Chekantseva Z.A. «Narrativnoe» vremya istorika // *Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / pod. red. L.P. Repinoi*. M.: Izd-vo LKI, 2011. S. 55-74.
- Shmurlo E.F. Petr Velikii v russkoi literature (Opyt istoriko-bibliograficheskogo obzora) // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1889. № 7. 140 s.

History and Theory at the XXII Congress of the CIHS. The Round Table «Event and Time in Historical Perspectives»

In the late August of 2015, the largest academic meeting of historians – the XXII International Congress of Historical Studies took place at Jinan (China), organized by the CIHS. Its extensive programme reflected numerous problems of contemporary scholarship; historians discussed the latest trends in theory in methodology, research fields and subjects of studies. The results of the last Congress, a revealed panorama of achievements and difficulties of the world historiography, further perspectives in the development of historical studies will certainly be analysed and debated, and no doubt, dozens of publications will appear. We present the first step: the materials of a round table (RT 19. Event and Time in Historical Perspectives), dedicated to topics central for the journal ‘Dialogue with time’, which became a core of a research programme of a new laboratory ‘Studies of historical memory and intellectual culture’ recently established at the Institute of World History (RAS). The materials of the Round Table ‘Event and Time in Historical Perspectives’ organized at the Congress (supported by the national Committee of Russian Historians and the Commission of the CIHS for the history of international relations) by Prof. L. Repina and Prof. Hugues Tertrais (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne). The published materials are based on an abridged version of the main paper delivered by L.P. Repina (the full version of it is to be found on the site of the CIHS), the texts of commentators – Prof. Z.A. Chekantseva (Institute of World History, RAS) and Prof. O.B. Leontieva (University of Samara), and the summaries of the comments by H. Tertrais and P. Boilley (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne).

Keywords: XXII International Congress of Historical Studies, theory, cultural memory, historical memory, event, time, Russia, Europe, Africa.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara State University; oleontieva@yandex.ru

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru

Zinaida Chekantseva, Dr Sc. (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History (RAS); achekantzev@mail.ru